

НКВД ГЕСТАПО

Брак по расчету

Как антифашистов пересаживали из тюрем советских в германские

Это отрывок из книги воспоминаний Маргарет Бубер-Нойман «Узница Сталина и Гитлера», вышедшей во Франкфурте-на-Майне в 1949 году.

Вслед за книгой Нойман появились и другие воспоминания, но до недавнего времени эти свидетельства не были подтверждены документами. К нашим архивам, как известно, и до сих пор подобраться нелегко, зато немецкие оказались доступны. Австрийский историк Ханс Шафранек «поднял» в политическом архиве германского МИДа соответствующие нацистские документы и опубликовал их в своей книге «Между НКВД и гестапо» (Франкфурт-на-Майне, изд-во ИСП, 1990). Так что теперь наконец есть где узнать подробности сталинско-гитлеровских игр — до и после пакта.

ДО ПАКТА

Выдачу немцев, арестованных НКВД, принято связывать с пактом 1939 года, благодаря же архивным изысканиям Ханса Шафранека становится совершенно очевидно, что активная высылка (единичные случаи бывали и раньше) началась еще в самом начале 1937-го. Так что и до пакта из Союза в Германию было отправлено несколько сот человек, а общее число высланных и выданных — около тысячи.

Как это происходило? Ранней осенью 1936-го германский посол Шуленбург высказывает Молотову и Литвинову пожелание германской стороны, чтобы находящиеся под следствием НКВД германские граждане, признанные виновными, или те, против кого имеется недостаточное количество улик, были высланы из СССР. В ноябре 1936 года Шуленбург еще раз обращается к Литвинову с просьбой выяснить судьбу арестованных германских граждан. Литвинов информирует о 22 случаях, причем все лица обвиняются либо в шпионаже, либо в подрывной фашистской деятельности. Но при этом советская сторона впервые дает понять, что высылка возможна.

В начале 1937-го замнаркома иностранных дел Крестинский сообщает Шуленбургу, что согласно приговору Особого совещания из СССР в Германию выслаются десять человек.

Практически это выглядит так: германское посольство обращается в Наркоминдел, и уже наркоминделовцы связываются с НКВД. Докладывая в Берлин, посольство постоянно сетует на трудности: только установится деловой контакт с каким-либо советским сотрудником во время переговоров о высылке, как он тотчас исчезает в «длительный отпуск». Тем не менее высылка с большей или меньшей интенсивностью продолжается. Германское посольство направляет в Наркоминдел списки, в ответ немцам называют свои имена, причем, как ни стараются немцы разгадать, почему выслаются тот или иной человек, постичь логику НКВД они не в состоянии. Среди выслаемых и спец, и политэмигранты (о том, что эти лица находились в СССР, германские власти часто не имели представления), и просто люди, уже десятилетиями жившие в России. Объединяет их только одно — все они арестованы. Как же воспринимали свой приговор сами выслаемые? Были такие, что считали: если уж сидеть, так у себя на родине «за дело», и даже настаивали на высылке. Но очень часто это воспринималось как трагедия. Германский советник, которому разрешили посетить выслаемых в присутствии сотрудников НКВД и Наркоминдела, сообщила о таком случае: «Пфейфер, хоть и сильно измученный пребыванием в тюрьме, сразу же заявил, что не может вернуться в Германию, поскольку он коммунист и будет там сразу же арестован».

Декабрь 1939 года. «Нас было двадцать восемь мужчин и три женщины... Все лица от страха казались застывшими. Мы стояли и смотрели на железнодорожный мост, который разделял занятую немцами Польшу и ее часть, оккупированную русскими. Через мост к нам медленным шагом направлялся военный. Когда он подошел ближе, я разглядела эсэсовскую фуражку. Офицер НКВД и эсэсовец приветствовали друг друга, приложив руку к козырьку. Из узкой, светло-коричневой сумки офицер НКВД вытащил список и стал называть фамилии. В этот момент от нашей группы отделились трое, бросились к энкаведисту и стали что-то взволнованно ему объяснять. Рядом со мной кто-то прошептал: «Отказываются переходить мост!» Один из трех был еврей-эмигрант из Венгрии, двое других — немцы: учитель по фамилии Кениг и молодой рабочий из Дрездена, который участвовал в вооруженной стычке с нацистами, бежал в Советскую Россию и заочно в Германии был приговорен к смертной казни. Конечно же, всех троих погнали через мост...»

Разумеется, Пфейфер был выслан, и дальнейшая судьба его неизвестна, однако известна (из хранившегося в том же политическом архиве донесения берлинского гестапо) судьба другого высланного — литографа Отто Вальтера, жившего в Ленинграде с 1908 года. Он много месяцев провел в тюрьме, потом был выслан и тотчас по приезде в Берлин выбросился из окна пансиона, куда его поселили.

Иногда высылка происходила и без предварительного ареста. Так было, например, с известным немецким актером Эрвином Гешвингом. В 1937-м в немецком театре в Одессе он играл как раз роль следователя НКВД, успешно раскрывавшего вредительский заговор. Но НКВД ставил свои спектакли: трупа была разогнана, Гешвинг исключен из партии и в три дня выслан из СССР, чтобы спустя недолгое время оказаться в концлагере у «своих».

ЧЕРЕЗ МОСТ ОТ СТАЛИНА К ГИТЛЕРУ

После пакта 1939 года ситуация с высылкой меняется. Теперь германское посольство уже не просит и не осторожничает, оно требует: «...настоящие дружественные отношения между 3-м рейхом и СССР несомненно с тем, чтобы такое количество германских побывавших находилось в советских тюрьмах» (речь шла примерно о цифре 500 человек). 11 ноября 1939 года в ответ на настоятельные требования Шуленбурга тогдашний заместитель наркома иностранных дел Потемкин просит его обратиться непосредственно к Сталину и Молотову. 14 октября 1939 г. Шуленбург принял Молотов, который заверил, что займется этим вопросом.

Германское посольство не называет имен, не требует конкретных лиц; таким образом НКВД мог действовать по своему усмотрению. Наконец, 27 ноября заключается соответствующее соглашение. И отправляется первая группа — «рождественский подарок» НКВД гестапо.

Теперь речь идет уже не о высылке, а о прямой передаче из рук в руки. До 1939-го выслаемому все же выдавался паспорт, хоть и с краткосрочной визой. Был шанс ускользнуть по дороге: общей границы с Германией нет. После пакта уже никаких паспортов — общий документ на всех выдаваемых. Он передавался вместе с указанными в нем лицами офицером НКВД офицеру гестапо на мосту в Брест-Литовске. Если в 1937—1938 годах вы-

сылают по приговору Особого совещания после следствия, то в 1939-м выдают тех, кто уже 2—3 года просидел в советских тюрьмах и лагерях. Изможденных лагерников и тюрзков везут из Орла и Ярославля, из Норильска и Воркуты и помещают в спецкамеры в Бутырку. Их подкармливают, выдают кое-какую одежду — подготавливают к передаче. И так же, как в 1937—1938 годах, даже в большей мере, эти камеры наполняются теми, кто имел все основания бояться гестапо. Тут у НКВД никаких колебаний не было. Немецкая сторона вначале отказывалась принимать евреев или лиц, лишенных гражданства, но НКВД настаивал. Чтобы не задерживать процесс выдачи, соглашались на всех, тем более что если германский МИД и колебался по поводу коммунистов, лишенных гражданства, интерес к ним проявляло гестапо.

С декабря 1939-го по апрель 1941-го НКВД и гестапо вступают в непосредственный контакт, отношения между карательными аппаратами двух режимов напоминают игру — партнеры садятся за стол, играют, и каждый старается обмануть другого.

Известный физик Александр Вейсберг-Цибульский в книге воспоминаний «Шабаш ведьмы» описывает атмосферу, царившую в спецкамерах: «Заклоченные этих камер находились под давлением двух карательных аппаратов, они еще боялись НКВД и уже боялись гестапо. Одно неосторожное слово могло вызвать преследования с советской стороны. Чересчур большая преданность коммунистическому режиму несколько недель спустя — преследования гестапо. Нужно было быть сверхосторожным, в камере могли находиться не только доносчики НКВД, но и будущие доносчики гестапо, которые уже сейчас готовы были купить предательством доверие немцев».

Трудно себе представить, что происходило с людьми, попавшими в это чертово колесо. Тех, кого собирались выдать немцам, заставляли как бы становиться агентами НКВД, подписывать, например, фиктивные расписки в получении денег, а тем, кто отказывался, угрожали, что дадут на них (если речь шла о коммунистах) компрометирующий материал в гестапо. И есть подтверждения, что действительно давали. Немецкая коммунистка Гертруд Мейер, высланная из СССР, в своих воспоминаниях рассказывает, что, когда ее допрашивали в гестапо, она поведала: у них имеются сведения о ее жизни и работе в Союзе, которые могли быть получены только от НКВД.

ЧЕРЕЗ ДЕМАРКАЦИОННУЮ ЛИНИЮ...

После заключения пакта о ненападении и раздела Польши СД в Варшаве и Кракове действовали по указанию имперского министерства безопасности, которое предписывало им вступать в тесный контакт со службами НКВД в Перемышле и Бресте, чтобы гарантировать беспрепятственное пересечение границы выдаваемыми.

Но если выдача и в самом деле происходила без проблем, то так называемое «переселение» осуществлялось непросто. О чудовищных эпизодах, связанных с этим переселением, у нас известно мало — все замаяла вскоре начавшаяся война. Что это было? В соответствии с соглашением, подписанным германской и советской сторонами 16 ноября 1939 года, осуществлялось переселение в Германию жителей немецкого происхождения в занятые советскими частями территории Польши, а в СССР — украинского и белорусского населения генерал-губернаторства.

С германской стороны этим занималась команда по переселению, состоявшая главным образом из эсэсовцев. В течение двух месяцев она совершенно свободно действовала в советской зоне оккупации Польши и контролировала совместно с соответствующими службами НКВД переселение многих тысяч лиц немецкого происхождения. Существенно большие сложности возникали с обратным переселением (украинцев, например, вовсе не мечтавших перебраться в СССР). Но самое скверное ожидало многотысячное еврейское население этих мест. Советские власти, так же как и немцы, пытались «стиснуть» и отправляемые эшелонами тысячи евреев или, не ставя другую сторону в известность, просто выталкивать их за демаркационную линию.

5 декабря 1939 года генерал-полковник Кейтель сообщил в германский МИД: «Выдворение евреев на русскую территорию проходило не так гладко, как, вероятно, ожидалось. На деле практика была, например, такой: в тихом месте в лесу тысяча евреев была выдворена на русскую границу, в 15 километрах от этого места они снова вернулись к границе с русским офицером, который хотел заставить немецкого принять их обратно».

В германском архиве сохранился текст беседы, состоявшейся между эсэсовским чиновником Густавом Вехтером и советским главным уполномоченным Владимиром Егноровым (генерал-майор Егноров уволен в запас из органов МВД в июле 1956 г.). На вопрос, не хочет ли он принять евреев — ведь в Советской России нет антисемитизма, — господин Егноров отреагировал отрицательно и заявил: «Мы у себя найдем другие способы устранения евреев».

Война, начавшаяся в июне 1941-го, подвела черту под этим «мирным сотрудничеством». Многих немецких эмигрантов, уже предназначенных к выдаче, не успели довести до Москвы из дальних лагерей, им оставалось дожидаться еще с десяток лет. У тех, кого выдали, судьба складывалась по-разному, на сей счет в Германии были выработаны четкие инструкции: тех, против кого имелся материал, ждал концлагерь, «независимые» и подходящие по возрасту призывались в вермахт, евреи однозначно подлежали депортации в гетто, а оттуда в лагерь уничтожения.

Ханс Шафранек в своем исследовании старался рассказать о многих судьбах высланных и выданных НКВД немцев и австрийцев. В который раз страницы нашей истории открываются на Западе, давно уже пора нам начать самим их переписывать.

Ирина ШЕРБАКОВА.

Эксклюзивные представители по сбору рекламы для «МН» в ФРГ: Грунер-Яр. Гамбург. Zentrale. Telefon (040) 37-03-0. Telefax (040) 37 03-6000. Telex 219520

СССР, 103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2. Телефоны: 229-81-88 (справочный), 209-17-49 (отдел писем), 209-05-60 (сектор рекламы).

© «Московские новости»
Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «МН» обязательна.

Общий тираж газеты 2018257
Подписано в печать 28 мая 1991 года. Заказ № 1885

ИНДЕКС 50080